

Горячий привет делегатам XIX съезда партии Ленина-Сталина!

Иосиф Виссарионович СТАЛИН

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 120 (2993)

Суббота, 4 октября 1952 г.

Цена 40 коп.

К открытию XIX съезда ВКП(б)

ЦК ВКП(б) извещает делегатов XIX съезда, что открытие съезда состоится 5 октября в 7 часов вечера в Большом зале Кремлевского дворца.

Наша цель — коммунизм!

Завтра, 5 октября, в столице нашей Родины Москве открывается XIX съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Внимание всего мира приковано к этому событию исторического значения. Для XIX съезду ВКП(б), партия и советский народ подводят итоги своей деятельности во всех областях хозяйственной и культурной жизни. Как величественны, как грандиозны эти итоги! Народ-творец, народ-воин отстоял свою социалистическую Отчизну от покушений империалистической реакции. Руководимый партией Ленина — Сталина, советский народ успешно строит здание коммунистического общества. Главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят ныне в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов.

В предсъездовские дни опубликован гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Огромно значение этого труда не только для политической экономии, для науки об обществе, в развитии которых он знаменует новый, высший этап, но для всей советской науки, культуры, для духовной жизни советских людей.

Товарищ Сталин всесторонне разработал коренные вопросы политической экономии социализма, впервые в марксистской литературе дал анализ характера его экономических законов, сформулировал основной экономический закон социализма и определил важнейшие условия постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Товарищ Сталин учит, что для подготовки перехода к коммунизму нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия. Необходимо, во-первых, обеспечить непрерывный рост всего общественного производства, а преимущественным ростом производства средств производства. Необходимо, во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общественной собственности, а товарное обращение заменить системой продтоварообмена. Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей.

Классический труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» вдохновляет советских людей на новые подвиги в мирном труде, озаряет ярким светом наш путь к коммунизму.

Прекрасен сегодняшний день, наполненный творческим трудом во имя великой цели; но еще прекраснее и светлее наше солнечное завтра!

Главное наше достижение и главная наша победа — рост новых людей, строитель коммунизма. В жестоких испытаниях войны, в самоотверженном мирном труде выросли, закалялись миллионы людей — наши замечательные кадры. Это — воистину хозяева и творцы новой жизни.

Партия Ленина — Сталина борется за изобилие не только материальной, но и духовной жизни, обеспечивает новый подъем культуры, создает все условия для полного расцвета науки, литературы и искусства. Высокая коммунистическая идея нашей партии — основа развития всей нашей культуры и литературы. Ни одна великая идея коммунизма не может плодотворно развиваться человеческая культура!

Рост советской литературы и искусства дает замечательный пример того, как всесторонне и многогранно руководство партии различными участками жизни нашей страны. Развитие культуры и литературы — это не стихийный процесс. Решающая роль в формировании советской социалистической литературы принадлежит Коммунистической партии, ее твердому, высоко принципиальному, настойчивому, а вместе с тем бережному направляющему руководству.

«Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бойцов, верящих в свое дело, не боящихся препятствий, готовых преодолеть всякие препятствия».

Партия ведет неустанную борьбу против тенденций бездельности, апатичности, искусства для искусства, беспощадно разоблачает проявления буржуазного национализма, космополитизма. Партия вела и ведет решительную борьбу против либерализма в оценке художественных произведений, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям.

«...Партия и государство будут и в дальнейшем воспитывать в народе хорошие вкусы и высокую требовательность к произве-

дением искусства», — указывал ЦК партии. Партия учит, бережно относясь к передовым традициям культуры и литературы, настойчиво и умело используя весь опыт развития литературы, в то же время неустанно искать новых путей и средств для глубокого, яркого, правдивого отображения жизни народа в ее развитии.

Перед советскими писателями стоит почетная задача — воплотить в ярких и глубоких художественных образах великий подвиг, совершенный народом на полях сражений, его трудовой героизм в послевоенные годы, осветить лучами художественного творчества путь к коммунизму, которым мы идем. Воспитание советских людей в духе патриотизма, активное участие в борьбе советского народа за мир, борьба с пережитками капитализма в сознании людей — почетная обязанность писателя.

Советская литература сумела отобразить героическую борьбу народа в годы гражданской войны, в годы сталинских пятилеток. Она сумела запечатлеть Великую Отечественную войну в ее суровой правде, с лишениями, горем, с титаническим напряжением сил, она раскрывала неизмеримое духовное превосходство советских людей над людьми из лагеря врага, освещала закономерность нашей победы, нашего торжества.

В послевоенные годы она показала, с какой неустремленностью и страстью, с каким благородным вдохновением решает советский человек задачи мирного труда.

Коммунистическая партия заботливо и зорко следит за процессами, происходящими в литературе. Партия решительно осудила произведения, проникнувшие пессимизмом и культивирующие дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Партия раскритиковала грубые ошибки деятелей литературы и искусства, забывающих интересы народа, интересы государства и отходящих от принципов социалистического реализма. Решения партии по идеологическим вопросам — это развернутая программа развития искусства, перестройки его в духе борьбы за коммунизм. Это — крупнейший шаг в развитии марксистско-ленинской эстетики, теории социалистического реализма.

Товарищ Сталин, гениально осветивший в труде по вопросам языкознания сложнейшие вопросы общественного развития, указал, что надстройка, появившаяся на свет, становится величайшей активной силой.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, принятые по инициативе товарища Сталина, подчеркнули, что народ, государство требуют активного вторжения литературы и искусства во все стороны советского бытия. В нашей стране создана литература, о которой мечтал еще в дни первой русской революции Ленин, — литература, вдохновляемая идеями научного социализма, связанная со всей борьбой народа за коммунизм.

Советская литература стала полноправно общенародным делом! Горький, Маяковский обогатили нас замечательными произведениями, в которых с огромной художественной силой отражены грандиозность эпохи, историческое значение деятельности советского народа. Новые, небывалые ценности создает социалистическая революция.

Я жизнь отдаю за сегодня рад.

Какая это громада! Вы чуе слово — пролетариат? —

«ему грандиозное надо воскалдил Маяковский.

Великая энергия рождается для великой цели! Грандиозный процесс построения коммунизма рождает великую литературу, сильную своей идейностью и правдивостью. Борьба за коммунизм — неисчерпаемый источник вдохновения литературы.

Партия видит в советских писателях инженеров человеческих душ, знаменосцев коммунистической морали. Советская литература должна решительно бороться со всем отсталым, косным, поддерживая передовое, новаторское. Малейшая потребность, ищущая и художественная неразборчивость наносит ущерб развитию советской литературы.

Вот почему в развитии советского искусства и литературы все возрастающую роль играют критика и самокритика. «Мы не можем без самокритики», — писал товарищ Сталин А. М. Горькому. Во всех партийных документах, высказываниях большинства печати красной нитью пролетит требование всемерного и широкого развертывания критики и самокритики. Сдерживать критику в области литературы и искусств — значит тормозить идейно-художественный рост литературы и искусства, довольствоваться малым, равняться на отсталые вкусы, не понимать высоты тех требований, которые предъявляет социалистическое общество к работникам своего искусства.

Советское искусство и литература оказывают могучее воздействие на чувства и мысли миллионов людей за рубежом нашей страны. Наше советское искусство —

это прообраз того искусства, которое будет создано коммунистическим обществом. Правдивое, честное, ясное и смелое, оно решительно противостоит упадочному, гнилому, лживому буржуазному искусству.

Мы гордимся успехами советской литературы. Нашими писателями созданы выдающиеся произведения, отражающие разные стороны нашей действительности, созданы яркие и глубокие образы советских людей — рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, участвующих в борьбе за мир, за построение коммунистического общества. Только социалистический реализм позволяет создавать произведения, правильно раскрывающие прошлое, настоящее и будущее народов, глубоко правдивые и одухотворенные светлой верой в будущее человечества.

Высоко ценя достижения нашей литературы, мы вместе с тем понимаем, что растущие потребности народа обязывают к значительному болшему. Даже во многих, обладающих рядом серьезных достоинств, произведениях прозы еще не раскрывается во всей полноте и многогранности советский человек, поверхностно и бледно изображается духовный мир не только второстепенных, но и главных героев книг. За последнее время не видно значительных достижений в области поэзии. Особенно серьезно отставание в области драматургии и кинодраматургии. Под влиянием ложной теории бесконфликтности создавались произведения, искажающие правду жизни, лишённые правдивых жизненных конфликтов. — произведения бледные, невыразительные, не способные помочь в борьбе с пережитками старого.

Потребнее тяжелое положение в литературе критика. Центральный Комитет ВКП(б) еще в 1940 году указывал, что «наиболее слабым звеном в настоящее время является критика художественной литературы». Большинство критиков не занимается вопросами советской литературы и не влияет на ее формирование». Эти слова определяют положение в критике и сегодня. А между тем сегодня особенно нужна боевая, талантливая критика, содействующая росту литературы. Произведения советской литературы по уровню мастерства, по художественному совершенству должны стоять не ниже, а выше произведений прошлого. Именно к этому зовут мудрые и мобилизующие слова товарища Сталина о советской классике.

С гордостью говоря о значительных достижениях, с которыми приходит литература к XIX съезду партии, мы отчетливо видим, что советские писатели в долгу перед народом, перед страной. Союз советских писателей, его организации на местах, печатные органы и издательства Союза обязаны решительно повысить уровень своей работы, изгоняя административно-бюрократические методы работы и поставив ее на словах, а на деле руководящую творческую деятельность в центр внимания.

Оружием правды наша литература борется за коммунизм. Оружием правды она утверждает новое, передовое, прогрессивное, побеждающее в нашей жизни. Оружием правды разоблачает она все косное, отсталое, чуждое народу. Оружием правды снывает она маски с лиц врагов народов, поджигателей войны, агентов американского империализма.

Партия Ленина — Сталина ведет народ вперед, к новым победам, к торжеству коммунизма. Наш путь озарен ярким светом марксистско-ленинской теории, творчески развиваемой гением Сталина. Сталинский Центральный Комитет Коммунистической партии твердой рукой ведет Советскую страну по научно выверенному курсу.

Жизнь народа, творимая им под руководством партии, — это основное содержание романов, поэм, повестей и рассказов наших писателей. Товарищ Сталин учит, что партия подобна герою греческого мифа Антею, источником силы и непобедимости которого была связь с матерью-землей. В связи с народом, его борьбой за коммунизм — источник силы и непобедимости Коммунистической партии. В связи с народом — залог новых успехов литературы.

Мировая история не знала другой партии, роль которой в судьбах своей страны и всего человечества была бы так же огромна, как роль Коммунистической партии, Партии Ленина — Сталина — ум, честь, совесть нашей эпохи. Это — самая жизненная, самая могучая сила нашей современности. Союз XIX съезда Коммунистической партии вызвал всенародный подъем в нашей стране; все передовые люди мира горячо приветствуют великий форум партии коммунистов. С деятельностью советского народа, с планами, которые утвердил съезд партии, со всей вдохновляющей, организующей работой партии связаны лучшие надежды всего прогрессивного человечества.

Наша цель — коммунизм. И к этой высшей цели уверенно и неуклонно идет советский народ, сильный своим единством и сплоченностью под знаменем коммунизма. XIX съезд ВКП(б) будет важнейшей вехой на этом пути.

Да здравствует XIX съезд партии Ленина — Сталина!

Дмитрий ГУЛИА, народный поэт Абхазии

ПАРТИЯ

Пускай природа силою своею сдвигает грозно кручи гор седых... Но Партия во много раз сильнее: она и рушит, и возводит их.

Пускай природа собственною властью моря в тысячелетья создает... Но Партия — гораздо лучший мастер: проходит год — и море в берег бьет.

Вот над землей сияет солнце, греет природы мира в ясный день весны... А Партия во много раз светлее — ее огнем сердца озарены.

Вселенная огромна... Даль сквозная, дороги неизведанных миров; она такая, что границ не знает, она — как наша к Партии любовь.

Есть у природы точные законы: за мглой ночной — рассвета синева... Так сталинская правда непреклонна, так Партия сбываются слова.

Земля без солнца — мертвая планета, дышащие жизни — в солнечном тепле; нет без него ни воздуха, ни света — без Партии нет жизни на земле.

Перевел с абхазского Марк СОБОЛЬ

М. ЛУКОНИН

В ДОРОГЕ

Взволнована Мать родная, Родина. В эти дни в окнах, в маршесах, в шахтах не гаснут ее огни.

Съезд партии! Наши думы, все чувства наши — в Кремле.

С правдивой его трибуны нас видно на всей земле.

Дороги твои, дорожи, простор твой, Отчизна-мать, для жизни необходимо черты твои запоминать.

В такие дни, Родина, я вместе с тобой не сплю, всем переполненным сердцем дорог твоих люблю.

Осеннее солнце встало, Москва в осенней красе. Под шинами зашуршало накатанное шоссе.

Гудит рабочая Тула, в честь съезда металл кует. Солнце опять встает.

Вдоль лесопосадок юных. Вперед — от села к селу. Похолодало небо, а земля в трудовом пылу.

Хлеб новый в мешках холщевых быстрой течет рекой.

Высокие элеваторы стоят, потеряв покой. Какая осень, Отчизна! Какой урожай окрест!

Люди твои, земля твоя славят партийный съезд.

За Воронежем солнце смыло косым дождем. В тихом селе Мокруша мы разговор ведем.

— Съезд про дороги скажет, решит, — говорят мне.

— Завтра дождя не будет,

такая заря в окне... — Сегодня у нас собранье дождь разогнал до тьмы, не помещаемся в школе — объединились мы.

— В тезисах есть о клубах... — Потом вот еще вопрос: ну, что это за название — «Мокруша»?

и кто занес? — сказал комбайнер с обидой, — давно бы сменить пора...

Погожий рассвет поднялся. Ветер педул с утра.

Дороги твои, дорожи, просторы твои, страна. Мне в эти дни, Родина, радость твоя видна.

Урожайная осень, соломой веселый блеск. Между Хопром и Вороной — город Борисоглебск.

Сомкнулся, шума дубами, Теллермановский лес, на сто километров встал он, ветру наперерез.

А дальше — забилось сердце. А дальше — мечта сбылась: с моею дорогой жизни

дорога земли сослась. Сталинградская область степью пошла кружить.

Отчизна моя родная, я счастлив на свете жить. Знаком этот танк разбитый с чужим клеймом на лбу.

По самым малым приметам читаю твою судьбу.

По гусеницам, расстеленным дорожками до крыльца, по стиральной гимнастерке я узнаю бойца.

...Здравствуй, я вижу, вижу невиданный облик твой в сверхплановой хлебодаче, в степях с зеленой травой.

В глазах земляков, в погоде.

... в улыбках твоих невест.

Каждым зерном, травинкой ты славилшь партийный съезд.

Мне дождь над тобой приятен. Понятен обычай твой стоять под дождем веселым с открытою головой.

Понятен мне спутник юный — ростом с лопату лес.

И ростом в радиомачту башня для тока ГЭС. Вот они трубы, трубы вот они — окна в ряд.

Здравствуй! Ладони улиц протянул Сталинград.

В канале имени Ленина плещется вода, в шлюзах плавают листья, сметенные ветромом.

У входа, паря свистками, здороваются суда, и долго свисток в воздухе разматывается клубком.

Гуси летят над каналом, в удивлении гогоча: что-то с землей случилось — Море у Налача!

У монумента Сталина я на мосту стою. Заволжье, как на ладони, Сталин глядит туда.

Плоды твоих дел, партия, всюду я узнаю. Гудят во мне дороги, селенна и города.

Ладони мне греют встречи предсъездовских этих дней. на сердце — слова людские, простые слова любви: — Мы с партией!

— Вместе с партией! Как партия. — мы за ней. Мы знаем свою дорогу, на подвиг любой зови!

Неразделимо вместе партия и народ. Партия наша, Сталин, нас в коммунизм ведет.

МОСКВА — СТАЛИНГРАД

Эм. КАЗАКЕВИЧ

СНОВА В МОРЕ

Новая повесть Эм. Казакевича «Павел Акимов» посвящена подвигам советских солдат и моряков в Великой Отечественной войне. Действие ее разворачивается в 1943—1944 гг. в Советском Заполярье и на севере Норвегии.

Качка понемногу уменьшалась. Корабли вошли в некое подобие широкого залива, окаймленного все теми же гранитными скалами. Эти скалы так были похожи одна на другую, что казалось невозможным ориентироваться здесь. Никаких приметных пунктов, никаких особо выдающихся вершин или ярых пачен — все они и те же бараны льды, похожие друг на друга, темные, почти черные, лишены какой бы то ни было растительности.

— Варангер-фьорд, — сказал Бадейкин, показав рукой вперед и влево. Вход во фьорд был еле заметен, но берега казались очень близкими. Акимов удивлялся, почему Бадейкин не снижает хода.

— Еще залезо, — сказал Бадейкин. — А ведь кажется, что близко, правда? К этому надо привыкнуть. Рефракция.

Отдавая приказания, Бадейкин не забывал, впрочем, с безукоризненным тактом — время от времени объяснял Акимову причину и значение того или иного своего распоряжения. Например, распорядившись погасить свет в кубрике, он сказал, обращаясь как бы к себе самому, но адресуясь, разумеется, к Акимову:

— Это для разведчиков. Чтобы им со света не было темно.

Бадейкин поглядывал на Акимова и с несколько ревнивым чувством отмечал, что новичок ведет себя спокойно, очень внимательно прислушивается и присматривается к окружающему и молча берет на ус.

Старшины и матросы тоже присматривались к Акимову с интересом. Они знали, что он всего лишь дублер, однако его тяжеловатый, пронзительный взгляд, как всегда, действовал на людей потрясающе, заставляя их хотеть понравиться ему, заслужить его одобрение. Бадейкин чувствовал это и немножко завидовал Акимову — больше всего его крупному росту и уверенному виду.

Берег приближался. То здесь, то там к берегу всматривались одиночные огоньки. Может быть, это были немецкие береговые посты, а возможно, — норвежские рыбаки занимались тут своим промыслом. Да, как ни странно, эта пустынная страна была по-прежнему, и Акимову это обстоятельство казалось из ряда вон выходящим. Ему, черномору, Норвегия, естественно, представлялась очень далекой страной, гораздо дальше Италии и даже Африки. А тут — вот она, серая, вспыхивающая редкими огоньками, вся в скалах и фьордах, которая, впрочем, теперь не было видно.

Чем ближе к берегу, тем серьезней становилась лица окружающих людей. Каждую минуту на мостике появлялся и снова исчезал молчаливый Летягин. Бодман Жигало застыл у пулемета. Командоры заняли места возле пушек. Матросы готовились сходить, другие надевали резиновые костюмы. Все делалось быстро, с той привычной строгостью и красотой, по которым безошибочно угадывается большой опыт.

На командирском мостике снова выросла бесшумная фигура разведчика Летягина. На этот раз он уже больше в кубрик не спускался, а остался здесь, глядясь в берег, уточняя курс корабля по незаметным, только ему одному известным ориентирам на берегу.

Акимов внимательно следил за эволюциями катеров. На берегу все было тихо, но вот вдруг справа показалась яркая вспышка, и вслед затем по морю разнесся раскатистый рог оружейного выстрела. Их заметили.

— Это с Барде, — сказал Летягин. Штурман озабоченно доложил последние показания лота. Бадейкин, поблужившись к Акимову (Акимов изумился самообладанию «коротышки», не забывшего и тут, что он имеет ученика), сказал:

— Можем сесть на камин. Здесь мелко. Темной плотной массой поднимаясь из кубрика на палубу разведчики и оставившие следа от мостика, держась близко друг к другу, словно они состояли из одного куска.

Недалеко от берега неожиданно распространился довольно густой, хотя низкий туман. Катер вошел в него, и туман покрыл всю палубу, так что сверху, с мостика, люди были видны по поясу, а ниже их закрывало это белесое густое облако. Странно было видеть полновидных людей, медленно двигающихся по невидимой палубе, словно бы в воздухе.

Акимов сказал Бадейкину почти начальническим тоном:

— Вы будьте здесь, а я пойду вниз, распоряжусь высадкой. Он понимал, что надо спешить. Огонь с берега становился все метче, взрывающиеся вверх мощные фонтаны воды от снарядов — все ближе. К тому же он заметил, что матросы с беспокойством поглядывают на небо, видимо, опасаясь вражеской авиации.

А как, как же, не мог подойти ближе к берегу: прибор угрожал бросить его на камин. Берег был уже метрах в десяти.

— Спускайтесь! — командовал Акимов матросам, державшим сходы.

Они быстро спустились вниз и очутились выше пояса в воде. Концы сходов лежали на их плечах. Снизу, из воды, слышались их нетерпеливые голоса:

— Ну, давайте, давайте... Разведчики подошли ближе. Они не без содрогания смотрели на довольно широкую полосу студеной пенящейся воды, отделяющей конец сходов от торчащих на берегу больших камней, промежуток между которыми то наполнялся до краев подступающей к берегу белой водой, то опорожнялся чистой дождевой водой. «Перенести их, что ли?» — подал Акимов, покусившись на разведчиков, и без дальнейших раздумий, движимый разнообразными чувствами, в которых

ему некогда было сейчас разбираться, пошел вперед по сходам. Спрыгнувши в ледяную воду и на мгновение зашедшись от пронизывающего холода, он крикнул:

— Летягин! Он легко поднял Летягина на плечи и пошел к берегу вслед за очередной волной. Высидев Летягина на большой волне, он дождался, пока следующая волна разобьется о камни, и пошел обратно к сходам. Здесь он принял на плечи следующего разведчика и при этом мимолодно отметил, что его примеру последовали еще три матроса. Необычная десантная операция быстро закончилась. Она неожиданно вызвала даже веселое оживление среди матросов, стоящих и слушающих по пояс в ледяной воде со своей живой ношей на плечах. Какую-то молодцеватую долю овладела ими, несмотря на стужу и на все более усиливавшуюся стрельбу. Слышались возгласы:

— Держись крепче!
— Осторожно, испускаю!
— Ух, жарко!

Перенеся последнего разведчика и болно стукнувшись головой об его вешевый мешок со снаряженными магазинами, Акимов взобрался на сходы, с них — на палубу. Разведчиков уже не было видно, они исчезли среди скал, словно никогда их и не было. Два других катера стреляли по берегу из пушек, прикрывая высадку.

— Бегите в кубрик греться, — сказала ему кто-то из матросов.

Он поехал в кубрик и быстро разделся. Здесь еще было темно. Но вот кто-то начал парить в темноте, проверяя, хорошо ли задрены иллюминаторы, и свет зажегся. Это был сам Бадейкин. Он подал Акимову несколько одеял. Лето еще было серьезно. Он ушел, вернувшись обратно с флажковой водки и снова ушел. Потом снова вернулся.

— Что бы мне такое надеть? — спросил Акимов.

Бадейкин, оказавшись, уже подумал об этом. Он принес белье, матросские штаны и резиновые сапоги.

— Налезет ли? — с сомнением спросил Акимов.

Бадейкин ответил:

— Это — нашего рулевого, Кашеварова. Тогда налезет, — улыбнулся Акимов.

— Пойду на мостик, — сказал Бадейкин. — Боюсь, он сейчас авиацию вызовет.

Так оно и случилось. Как только Акимов вслед за Бадейкиным вышел на мостик, наблюдатель крикнул:

— Самолеты по корме, пять штук! «Фокке-Вульф» это девятно!

Акимов не успел удивиться четкости доклада, как раздался мощный голос «ревуна» — сигнал тревоги, а еще на долю секунды раньше заработали пушки и пулеметы морского охотника. Неясно было, что началось раньше: доклад наблюдателя, сигнал «ревуна» или стрельба, или правую часть почти одновременно. И перед изумленными глазами Акимова произошло кратковременный, как молния, бой между пятью немецкими самолетами и как будто беззащитным советским маленьким кораблем.

Самолеты обладали невероятной скоростью, но казалось, что в тело маленького корабля вселился сам черт. Поднявшись следующим одно за другим хриплым отрывистым приказанием Бадейкина, катероохотник выдвинулся замысловатейшие фигуры на волнующейся воде. Он то подпрыгивал, то шаркался вправо, влево, то вдруг заматывался на одном месте, начинал как бы пятиться назад. Временами казалось, что он не просто плавает по воде, а извивается подобно змею, настолько неожиданно и головоломными были его движения.

Акимов посмотрел на Бадейкина. Маленький командир был неузнаваем. Он превратился в сжатый комочек с нелепо вертящейся во все стороны головкой и, бросая беспрерывно хриплые слова, до смешного точно повторял все движения своего собственного корабля, то наклоняясь, то отступая несколько назад, то застывая на месте с перекошенным лицом. Рулевого Кашеварова уже тоже был не человеком, а превратился в штурвал, рулевое колесо, подчинявшееся, как автомат невероятной точности, словам стоявшего рядом маленького человека. Он не глядел ни вверх, ни вниз, ни по сторонам, ни даже вперед, он только слушал и только исполнял.

Корабли отходили все «мористей», на водный плес, в открытое море, что несколько удивило Акимова, так как ему казалось, что у береговых скал легче укрыться от самолетов. Правда, в открытом море была большая свобода маневра, а, видимо, это обуславливало тактику морского охотника.

Самолеты соросили несколько бомб с взорвотой, но попадали не в катер, а в то место, где он стоял полминуты назад. Быстро, вот что рождало его. И кроме того — беспрерывный зенитный огонь. Оба пулемета мелко дрожали. Было, пули попадались транслирующиеся, и тогда становилось заметно искусство пулеметчиков: несмотря на то, что корабль сильно качало — янгола — он плавал почти на боку, — а ведь транслирующийся путь шал все ту же, вверх, с самолетами, почти не уклоняясь в сторону. Кормовая автоматическая пушка беспрерывно стреляла, и если бы не были видны ползушки к ней и от нее подносился снаряд, казалось бы, что пушка заряжена снарядами надолго, на месяцы и годы, и вот так она будет изрыгать огонь вечно.

Как ни странно, но не кораблю, а немецким самолетам прихотилось туго. Они шныряли вокруг да около, с ревом пронеслись мимо почти над поверхностью воды, заливая море градом пуль, потом увиделись за скалы и, вновь появляясь из-за них, сбрасывали бомбу или две, но на том месте, где они надеялись настичь корабль, его уже не было.

Потеряв надежду справиться с морским охотником, самолеты улетали за границу, но и там, видимо, результат был тот же, и минуты через две самолеты исчезли, обогнано ревом. Стало очень тихо. Шум ветра и грозный шум моря звучали теперь, как детский лепет.

Тут только Акимов заметил, что все блещет от соленой морской воды, превратившейся в ледяную корку. Все на палубе, кроме расклеванных ствол пулеметов и фокса, обледенело, все переливалось белым флуоресцирующим светом.

Семен БАБАЕВСКИЙ

ЗНАМЯ ЖИЗНИ

Снова утро — свежее и ласковое, снова дорога — пыль да пыль... Скрылось озеро в зеленой камышовой овраге, навстречу подымались блеклые желтые холмы, а степь, иссушенная зноем, открытая всем ветрам, была все такая же безбрежно широкая. Утреннее небо, такое же, как и вчера, высокое, без единого облачка, было в кумаче — еще невидимое солнце раскинуло по нем лучи, как знамена. И лежал по степи, бегая волной и рассекая простор, как саблей, еще один оросительный канал — этот был и пошире и поглубже, и вода в нем текла не из Кубани, а из Цимлянского моря. Берега не расчищены, бугорчатые, без откосов — нет, еще не гуляли здесь утюги-бульдозеры. По всему было видно, что по этому следу совсем недавно прошли своими тяжелыми, несгибающимися ногами шагающие экскаваторы, — оттого-то тут что ни шаг, то и свежий, шипящий курган. Это они, протынув к небу свои стаальные шеи, разрыли, разворочили водами не тронутую целинную землю, взяли ее в зубастые ковши, как в ладони, подняли, покружили и рассыпали острыми серо-бурыми воронками. Издали казалось, что вдоль всего канала лежали, как бы отходы у воды, разрозненные верблюда: сколько вылез глаз — торчали горбы и горбы, то рыжие, то светлосерые, то бурые...

Все чаще и чаще стали встречаться не каменные станции и хутора, а давно обжитые рабочие поселки: как пришло, в центре — клуб, магазины, столовая, а по ровным, по-стенному широким улиткам зеленым тополя-трехлетки, и по тротуарам, мимо этих топей, сдвигались велосипедисты; то мимо «Победа» проносились еще старшие сестры — машины-самосалы — тут и «МАЗЫ», и «ГАЗЫ», и «ЗИСы» под высокими колесами в выхре пыли гремя, содержались земля, а по кувозам, испачканным известью, глиной, цементным раствором, по изогнутому железу было видно, что эти сестры-работницы сдвигали со своих сильных, натруженных плеч не одну тысячу тонн груза; то проезжали рядом с бетонным стилом — он уже стоял без дела, тихий, ослепший, и только белые строения, точно вымыленные из теста и густо присыпанные мукой, красноречиво говорили о его трудовой славе; то дорога проходила мимо хлебозавода, еще с дымящимися трубами и широкими воротами, ведущими в чистый и просторный двор, — в степи, и такой огромный завод по выпечке хлеба; то подымались в жарком небе шагающие экскаваторы, точно нефтяные вышки, поставленные и кривые и врос, — они еще трудились, видимо, зачищая остатки каких-то больших работ, другие готовились к отъезду — по их холоднему, присмиршему телу уже ползли яды в черных испачканных комбинезонах и с газетными ключами в руках; один такти, еще живый, торчали и проворный стальной гигант стоял на крутой чугунной пилте на высоком глиняном берегу канала. Он горло поворачивало далеко простерту шею и бросал, точно играя, в воду свой ковш размером с вагон. Вода расступалась, бурлила, плескалась, струнами натягивались тросы, и ковш, показывая из воды горлоу спину, тянул со дна размокшую землю...

Еще Цимлянское море выгодно отличается от всех своих старших сестер и братьев тем, что оно сделало люди по заране разработанному и утвержденному плану-проектору, и сделало для себя и для своей пользы. Люди выбрали ему и место по своему расчету и по своему усмотрению, и придали ему такую форму, какая требовалась. Люди пришли на донской берег и сказали сами себе: море будет такой-то ширины, такой-то длины и такой-то глубины. Затем поставили плотину и наполнили притопленное место водой не горько-соленой, а пресной и необычайно вкусной, именно такой водой, которая пригодна и для питья, и для того, чтобы держать на себе пароды, баржи или поливать землю и вращать турбины... Таким морем можно гордиться! Скажи, где, в какой стране и каком море не лежит в естественном котловане, как в огромной чаше? Все моря лежат в котлованах, кроме Цимлянского, которое как бы стеной стоит над полями нижнего Дона... И хотя в отличие от прочих морей на молодых берегах Цимлянского моря нет еще ни лесов, ни парков, — только на берегу станции Цимлянской уже посажены первые деревья и белеют колоннады бескиев; хотя еще нет ни санаториев, ни домов отдыха, но ведь их нет только потому, что море-то молодое, и берега его совсем еще недавно были выжженными солнцем степными горами. Ничего, скажем мы, — было бы море! Будут здесь и сосновые леса, и тенистые парки с аллеями и беседками, с дорожками и лосенками, ведущими к воде; будут пляжи-санатории с балконами на море, с пляжами и байдарками... Было бы море!

Иван Кинга и Луша еще долго не покидали Цимлянского моря: кто его знает, придет ли когда-нибудь вот так стоять и любоваться дально! Он любил вальс и морем, и купался в нем, сколько хотел, — тут уже пришел на помощь и Петрович... — тут же решил и пообедать у моря, — кто же знает, явится ли еще такой случай! Петрович моментом расстелил возле воды вынутый из машины ковер и принес чемодан с дорожным провизантом... И когда за плотинкой опустился умяенное за день солнце, поодаль жарким отблеском морскую воду, наши путешественники подумали и о том, что впереди — ночь, а путь-дорога еще далека — слова даяет она по донским степям, пройдет через Калач-на-Дону и далее — к берегам Волги. Было решено ехать не пешком, а на пароходе. Проехали восемь или десять километров вдоль моря и встретили на берегу широкий, видимо, с достатка скроенный двор, огороженный новым тесом. Иван Кинга посмотрел на час, на постройку, с тоской, а потом на сухое, уставшее лицо своего спутника и сказал:

— Куда ехать в ночь? Давайте позвучем в этом новом поселении. Я уже догадываюсь: живущие здесь люди мне сроят. Это же не просто двор, а усадьба машинно-тракторной станции, и, видать, отсюда, со дна морского.

В высокие и широкие окна мастерских, как в зеркала, доргал закат, пол навесами — пусто, два трактора стояли без колес на деревянных полупорах, как инвальные на костылях, у квадратного домика — высокая и белая, как экран, «Доска почта» с портретами, — по всем этим и многим другим приметам нетрудно было понять, что у моря стоял не склад и не какой-нибудь хозяйственный двор или ферма, а именно усадьба машинно-тракторной станции, и притом усадьба такая же новая, как и море. Притом же ее на своем берегу... Тем временем потух закат, медленно-медленно, как потухает костер в степи, померкла, почернели окна мастерских, сразу сделалось темно, и тогда, как бы на смену закату, из воды всплыла сухая, холодная и медно-красная луна, по-

«Знамя жизни» — новый роман С. Бабаевского, который завершит трилогию, начатую романами «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей».

Действие публикуемого нами отрывка происходит в 1952 году — в дни торжественного открытия Волго-Донского канала имени В. И. Ленина.

Снова утро — свежее и ласковое, снова дорога — пыль да пыль... Скрылось озеро в зеленой камышовой овраге, навстречу подымались блеклые желтые холмы, а степь, иссушенная зноем, открытая всем ветрам, была все такая же безбрежно широкая. Утреннее небо, такое же, как и вчера, высокое, без единого облачка, было в кумаче — еще невидимое солнце раскинуло по нем лучи, как знамена. И лежал по степи, бегая волной и рассекая простор, как саблей, еще один оросительный канал — этот был и пошире и поглубже, и вода в нем текла не из Кубани, а из Цимлянского моря. Берега не расчищены, бугорчатые, без откосов — нет, еще не гуляли здесь утюги-бульдозеры. По всему было видно, что по этому следу совсем недавно прошли своими тяжелыми, несгибающимися ногами шагающие экскаваторы, — оттого-то тут что ни шаг, то и свежий, шипящий курган. Это они, протынув к небу свои стаальные шеи, разрыли, разворочили водами не тронутую целинную землю, взяли ее в зубастые ковши, как в ладони, подняли, покружили и рассыпали острыми серо-бурыми воронками. Издали казалось, что вдоль всего канала лежали, как бы отходы у воды, разрозненные верблюда: сколько вылез глаз — торчали горбы и горбы, то рыжие, то светлосерые, то бурые...

Все же добрый его кусок, а то, может, и любая половина... Так думали и наши журавли, стоя на Кумшакском хряще и любящем морской дально, и особенно так думал Иван Кинга: он мечтательно улыбался, ибо видел явное сходство Цимлянского моря с Черным морем. Дело в том, что Ивану Кинге довелось повесить в Феодосии, а морские берега области этого города в точности такие же, как это Кумшакский. Точно такой же нежный шорох дремлющих, совсем обессилевших волн; такая же ласкающая глаза синевая, уходящая неведомо куда; так же дымят, клубятся труба далекого, еще не всплывшего из-за горизонта парохода, тающего где или три баржи, груженные тракторами, лесом, цементом; так же, легко рассекая себе дорогу, уминаются бригами моторные лодки, оставляя короткий, вспененный след... Так же, как и на Черном море, и здесь гуляют в непоуду сердитые черные волны, и чайки, неведомо откуда взявшись, то бьют волну крылом, то с горестным писком плещут ее курчавые, пенные гребенки. Словом, кажется, на что ни взгляни, и все оттуда, от Черного моря! И все же так, если приглядеться хозяйским глазом, то можно увидеть и такие отличительные черты, которых нет ни в каком другом море, кроме Цимлянского, и которое говорит: «Оно-то хотя и Черное море, но не Черное море! Оно же еще совсем молоденькое, и вода в нем еще цветет и цветет, упирается, тяжелеет; оно даже не успело обзавестись ни отличиями с годами промывным песком у берега, ни зрелыми в волнах галькой, ни разноцветными ракушками. Даже в такую пору, когда море по-настоящему спит, а волны совсем исчезают, и то в Цимлянском море не увидишь бездонных шляпок медуз или какого-нибудь вертепного морского жука, — ни жуки, ни медузы еще не успели родиться!»

Зато вместо гальки, медуз и ракушек — выпернутой из земли, промытые и выброшенные волной красно-бурые коренья, набухшие виноградные лозы, куски деревьев, голые, без коры, ветки, пни с лянными, как плети, корнями. Все это поднято волной со дна моря, с тех когда-то обжитых мест, где еще прошлым летом цвели сады, наводились виноградные яблони, а по тихим станичным улицам стояли, раскинув ветки, могучие старички-дубы и у их ног играли ребятки...

И еще Цимлянское море выгодно отличается от всех своих старших сестер и братьев тем, что оно сделало люди по заране разработанному и утвержденному плану-проектору, и сделало для себя и для своей пользы. Люди выбрали ему и место по своему расчету и по своему усмотрению, и придали ему такую форму, какая требовалась. Люди пришли на донской берег и сказали сами себе: море будет такой-то ширины, такой-то длины и такой-то глубины. Затем поставили плотину и наполнили притопленное место водой не горько-соленой, а пресной и необычайно вкусной, именно такой водой, которая пригодна и для питья, и для того, чтобы держать на себе пароды, баржи или поливать землю и вращать турбины... Таким морем можно гордиться! Скажи, где, в какой стране и каком море не лежит в естественном котловане, как в огромной чаше? Все моря лежат в котлованах, кроме Цимлянского, которое как бы стеной стоит над полями нижнего Дона... И хотя в отличие от прочих морей на молодых берегах Цимлянского моря нет еще ни лесов, ни парков, — только на берегу станции Цимлянской уже посажены первые деревья и белеют колоннады бескиев; хотя еще нет ни санаториев, ни домов отдыха, но ведь их нет только потому, что море-то молодое, и берега его совсем еще недавно были выжженными солнцем степными горами. Ничего, скажем мы, — было бы море! Будут здесь и сосновые леса, и тенистые парки с аллеями и беседками, с дорожками и лосенками, ведущими к воде; будут пляжи-санатории с балконами на море, с пляжами и байдарками... Было бы море!

Иван Кинга и Луша еще долго не покидали Цимлянского моря: кто его знает, придет ли когда-нибудь вот так стоять и любоваться дально! Он любил вальс и морем, и купался в нем, сколько хотел, — тут уже пришел на помощь и Петрович... — тут же решил и пообедать у моря, — кто же знает, явится ли еще такой случай! Петрович моментом расстелил возле воды вынутый из машины ковер и принес чемодан с дорожным провизантом... И когда за плотинкой опустился умяенное за день солнце, поодаль жарким отблеском морскую воду, наши путешественники подумали и о том, что впереди — ночь, а путь-дорога еще далека — слова даяет она по донским степям, пройдет через Калач-на-Дону и далее — к берегам Волги. Было решено ехать не пешком, а на пароходе. Проехали восемь или десять километров вдоль моря и встретили на берегу широкий, видимо, с достатка скроенный двор, огороженный новым тесом. Иван Кинга посмотрел на час, на постройку, с тоской, а потом на сухое, уставшее лицо своего спутника и сказал:

— Куда ехать в ночь? Давайте позвучем в этом новом поселении. Я уже догадываюсь: живущие здесь люди мне сроят. Это же не просто двор, а усадьба машинно-тракторной станции, и, видать, отсюда, со дна морского.

В высокие и широкие окна мастерских, как в зеркала, доргал закат, пол навесами — пусто, два трактора стояли без колес на деревянных полупорах, как инвальные на костылях, у квадратного домика — высокая и белая, как экран, «Доска почта» с портретами, — по всем этим и многим другим приметам нетрудно было понять, что у моря стоял не склад и не какой-нибудь хозяйственный двор или ферма, а именно усадьба машинно-тракторной станции, и притом усадьба такая же новая, как и море. Притом же ее на своем берегу... Тем временем потух закат, медленно-медленно, как потухает костер в степи, померкла, почернели окна мастерских, сразу сделалось темно, и тогда, как бы на смену закату, из воды всплыла сухая, холодная и медно-красная луна, по-

хозяйя на огромный бакен... Ворота были раскрыты, и «Победа» несмело вкатилась во двор и остановилась у «Доски почта» так смело, как останавливается только та «Победа», в которой обычно подвезает директор МТС или секретарь райкома... Поэтому, приняв чужую машину за свою, из домика, гремя деревянным костылем на правой ноге, проронил захромал усаый, вобраный в поношенные, с доносками лампасами, суконные брюки. Он сердито стукнул деревяшкой в недоуменно остановившаяся на крыльце, ибо увидел в машине не директорского шофера, а Петровича, и не директора, а Ивана Кингу и Лушу.

— А я думал, наши возвернулись, — сказал он, героически разглядя ладонью усы и улыбаясь шеробатым ротом. — Все началось отбыло в район, а там со всем народом последует на торжества... А вы кто же такие?

— Гости. Тоже едем на праздник. Из Ставрополя.

— Ой, ой, ой, — усаый причмокнул губами и даже засмеялся. — И откуда только люди не слетаются. Вчера из Ленинграда прибыли. Так те на самолете. Кто как — и по земле, и по воде, и по небу. А ты, Никита Чаплыгин, стой на посту и только в мыслях торжествуй. И хочешь старому рубашке в торжественный строй, а нельзя — служба!

— Хотели у вас заночевать, — сказал Иван Кинга, выходя из машины и протягивая руку сторожу. — Можно?

— А отчего ж нельзя? — Никита пожал гостю руку. — Проверю документы, и если все в порядке — поучите себе на здоровье... Только спать вам уже некогда.

— Так, папаша, мы же троёмся на зорьке, — сказал Петрович. — Холодочком быстро умчимся.

Когда же они умылись и Луша, пожелав спокойной ночи, ушла в домик, где Никита любезно предложил ей не только диван в приемной директора, но и небольшую, пахнущую бензином, полубуду. Иван Кинга подошел к морю, обгладено воздухом и усеяла на травянистом берегу. Он задумался, слушая трескущую музыку кузнечиков и глядя на лулу, на широкий и блестящий шарф, который она щедро раскинула по всему морю...

К этому блестящему шарфу подошли парочка, краснея бросая на воду огненные ленты. Он шел быстро, курсом на Волгу, а пассажиры, как бы радуясь тому, что они плывут по Цимлянскому морю, все были на палубе: одни стояли у перил и смотрели на берег — они, конечно, видели Ивана Кингу и не позавидовали ему; другие сидели либо в калачах, либо за столиками. «Эх, счастливые, — с грустью подумал Иван Кинга. — Наверно, и наши старпоруки там плывут, а нам так и не довелось... А палы бы мы с Лушей вот на таком красавчике... Кругом огня, море в лунном сиянии, прохлала... Пропали мои мечты... Тем временем парочка своим высоким черным носом навзрос расскел лунный шарф, а в косые, резкие волны выпл разорвала его на клочья».

Неслышимо подошел Никита и сел, ковыряя костылем, точно кошкой, сухую землю, и тихо сказал:

— Плынут и все туда... А ты, Никита, сиди у моря и жди погоды... Где-то за усадьбой по накатанному тракту бурей проносились грузовики. Вместе с шумом машины вырвался песня. — И там едут и едут, и все гудят же... Народу соберется! И нам бы, Иван Афанасьевич, пора в дорогу — не опоздать бы. А у нас машина быстродонная.

— Все одно — лучше поторопиться, — Никита тядло захохотал. — Ядям мы вон, где раб парочком потронежена. Ядям станинкой, а при станице и наша усадьба. А теперь там — какая толща воды! Выходит, всплыли мы, и уаочно! Эх, поуду к дороге. Слышится, мы, и там едут...

Никита, кряхнув, встал, снова колпунуя костылем землю и захромал на усадьбу... Иван Кинга не спохватился. Не митая, он смотрел на море мечтательно-грустными глазами. Сколько мыслей вызвало одно своим простором и спокойствием... А парочка все уменьшалась и уменьшалась, а лентя разужного света, безжизненно с ним по воде, все суживалась и суживалась. Море уже, как прежде, спокойно искрилось на сотни верст. Исчез, затерялся след от парохода, а только что разорванный лунный шарф снова был под и невредан. У ног Ивана Кинга не умолажал кузнечик, а чуть ниже — ласковые волны, часто и весело цмокая, как бы сквозь смех, цмокала берег...

Так прошел час, а может, и больше... Давно исшел, растаял в лунном свете парочка с ленточками света. На его место, точно подынявшись из глубин, появилась парочка — и поменьше, и без веселых огней. Он двинулся медленно, шумно, тяжело дыша, следом за ним низенькими островками темнели две баржи: длинный трос, блестя эмпейной чешуей, уприто вскидывался над водой... «Красиво груз идет», — думал Иван Кинга. Он так улеялся и баржами, и мапшными взор далами, и слышными звуками степи и моря, что не усаышал, как подошла Луша. А она подошла бодро, глумливы воронками шагами, а потом рывком, точно ноги ее подкосились, села рядом и, глядя на море, молча протянула обе руки. Иван Кинга взял ее ладони, шершавые и горячие, еще не веря, что рядом с ним сидит любимая девушка.

— Она тут. Можем, поедем... А Петрович, наверно, спит.

Она проговорила тихо, сама понимая, что вовсе не это должна была сказать. Она качнула головой, причеснулась шеей и его щеке и испугалась колючей, третей ленте небритой щетины... Тогда Иван Кинга обнял ее бодро, как бы трепожась, что вот она выпорхот и улетиет. Она не отстраняла его руки. Ее волнение, которое открывалось ему и в ее робком, чего-то просящем взгляде, и в горячих ладонях, и в мягкой, шелковистой ее щеке, сразу же перелазло к нему, и он или сказал, или только подумал, шевеля губами:

— Луша... Хорошая моя Луша...

ТРУДЯЩИЕСЯ ВСЕГО МИРА ПРИВЕТСТВУЮТ XIX СЪЕЗД ПАРТИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА

По страницам зарубежной печати

ФРАНЦИЯ

«Пятый-пятнадцатилетний план, рабочий план строителей коммунизма, представляет собой новое доказательство воли Советского Союза к миру и неоспоримого превосходства социалистического строя. На этом фоне особенно четко видны замечания капиталистических систем и катастрофические последствия проводимой империалистской политики войны.

Для коммунистов всех стран, для всех сознательных трудящихся XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, как и те крупные успехи, которые последуют за ним, являются новым оружием в борьбе за мир и в борьбе за социализм — наиболее возвышенный идеал, к которому только может стремиться человек».

(Из статьи Этьена Фажона в газете «Юманите») **БЕЛЬГИЯ**

«Известие о созыве XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза вызвало огромный интерес во всем мире. Комментариисты буржуазной печати ясно отражают растерянность, которую испытывают капиталистические круги при виде того, как страна социализма спокойно, энергично и неутомимо идет по пути дальнейшего улучшения жизненных условий.

Но такой постоянный и гармоничный рост производства и благосостояния у нас, в Бельгии, не имеет места. У нас, если некоторые лица, наживающиеся на переворотах, и получают несильные прибыли в ограниченном числе отраслей промышленности, то большая часть промышленности находится в то же самое время в состоянии марша. А в ряде областей производство скатилось сегодня ниже того уровня, на котором оно находилось четверть века тому назад, накануне кризиса 1930 года!

Да, не у нас, в Бельгии, реальная заработная плата вырастает за пять лет на 35 процентов!»

(Из статьи Пьера Жуа в газете «Драпо руж») **С Ш А**

«Предстоящий съезд собирается в критический момент мировой истории.

Советские руководители решительно выступают за сохранение международного мира в то самое время, когда большинство правителей Запада пытаются обмануть нас с помощью «большой лжи», утверждая, что Советский Союз готовится якобы напасть на нас и что поэтому мы, каждая американская семья, должны отдать в виде налога треть часть наших зарплаток торговцам смертью. Именно эти заговорщики, замыслившие войну, представляют собой серьезную угрозу не только для народов Советского Союза, Китая и стран народной демократии, но и для каждой американской семьи.

Даже если американцы доброй воли, независимо от их социальной принадлежности и политических убеждений, перед своей страной — разорвать от основания эту антинародную теорию «близкой войны». Именно в этой связи их внимание должна привлечь к себе мирная программа предстоящего съезда Коммунистической партии в Москве».

(Из передовой статьи газеты «Дейли уоркер») **ШВЕЦИЯ**

«Основным пунктом повестки дня XIX партийного съезда является грандиозный пятнадцатилетний план, значительная часть которого уже выполнена. Во всем мире трудящиеся разделяют радость советского народа.

В Советском Союзе построен социализм. От капиталистической бесплановости не осталось и следа. Направление экономики определяется не стремлением крупных фирм к монополии, а интересами широкого большинства всего народа к повышению своего материального и культурного уровня.

Советский Союз в самых широких масштабах использует свои ресурсы для мирного строительства, тогда как капиталистические государства сокращают производство товаров для населения и ограничивают их потребление, чтобы направить свои ресурсы для военных призывов и войн».

(Из передовой статьи газеты «Нью дайт») **АНГЛИЯ**

«Предстоящий съезд Коммунистической партии Советского Союза и новый пятнадцатилетний план вызовут глубокий интерес у всех разрабатывающих в политике людей во всем мире.

Выходящая четкой нового плана является колоссальное увеличение выпуска потребительских товаров и продовольствия. Это никак не план организации военной экономики с вытекающим из нее снижением жизненного уровня народа. Война может лишь помешать продвижению народов к процветанию, и Советский Союз не желает войны. Не только то, что заявляет Советский Союз, но и то, что он намеревается совершить, служит для всех честных людей доказательством его мирных устремлений.

Следует надеяться, что, несмотря на все лживые измышления, англо-американский народ поймет, каково значение великого шестнадцатилетнего плана в Советском Союзе, и присоединится к борьбе за всеобщий мир, которая позволит и ему беспрепятственно двигаться вперед».

(Из редакционной статьи газеты «Дейли уоркер») **ДАНИЯ**

«Все те, кому выгодны смертоносная война, опустошения и разрушения, все те, кто спекулируют на войне между народами и вражде между людьми, задыхаются от злости, видя, какие успехи уже достигнуты в Советском Союзе всего лишь за 35 лет его существования, и начиная, наконец, понимать, каково будущее ожидает страну, где навсегда уничтожен капитализм.

Знаменосцы мира и строители коммунизма собираются 5 октября на XIX съезд партии в Москве для того, чтобы отчитаться перед советским народом и всем миром в достигнутых успехах, а также и для того, чтобы наметить век на историческом пути человечества к коммунизму, миру, счастью и благосостоянию в обществе равноправных граждан, каждый из которых будет работать по способностям и получать по потребностям».

(Из передовой статьи газеты «Ланд оф фольк») **МЫСЛИ УЧЕНОГО**

МЫСЛИ УЧЕНОГО

Тодор ПАВЛОВ,
президент Болгарской академии наук

Как встретил проект директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития Советского Союза болгарские демократические ученые? Болгарские академики, профессора и другие научные работники начали изучать проект директив, как неоспоримое руководство в деле национального хозяйственного, научного и культурного строительства.

Проект директив по пятому пятилетнему плану СССР вместе с проектом измененного Устава партии является новым, блестящим подтверждением всеобъемлющей силы марксистско-ленинской идеологии, решающей роли коммунистов в создании человеческого счастья. Наши беспартийные ученые, помнящие антинародную, антикультурную политику старых буржуазных правительств, теперь озарены живительным светом опыта Советского Союза и нашего народного государства. Они стремятся преодолеть пережитки старого в своем сознании, овладеть марксистско-ленинским научным мировоззрением. В этом неоспоримую помощь оказывают им исторические документы к XIX съезду ВКП(б).

Советский опыт показал нам всю глубину великой мысли Ленина и Сталина о необходимости прежде всего и любой ценой развивать тяжелую промышленность, строить сельское хозяйство на базе машинной техники и передовой науки, на базе добровольного коллективного труда людей. В этом — основа повышения материального и культурного уровня масс, основа национального благополучия.

Проект директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану является новым доказательством правильности генеральной линии ВКП(б), которой следуют коммунистические и рабочие партии во всех народно-демократических странах. Это — единственно правильный путь. Мы снова и снова убеждаемся в этом, оглядываясь на собственный опыт строительства экономики и культурных основ социализма. Строительство это, совершаемое с неслыханной быстротой помощью братского Советского Союза и лично товарища Сталина, под руководством Болгарской коммунистической партии, народного правительства и достойного продолжателя дела Георгия Димитрова товарища Вилько Червенкова, принесло нашей стране немалые успехи. С индустриализацией быстро преобразуется лицо Болгарии, неутомимо повышается жизненный уровень народа, быстро развиваются культура, истинно народная, прогрессивная наука.

Изучая новый пятилетний план Советского Союза, мы переживаем глубокое волнение, ибо думаем о будущем своей страны, делаем еще раз выводы для нашего социалистического развития. Главные из них, всецело направленные против всевозможных титовцев, райковцев, трайковцев и прочих врагов, прекрасно сформулированы товарищем Вилько Червенковым. Не может быть речи не только об успехах, но и о самом факте существования народно-демократических стран без Советского Союза — освободителя, без его всемирно-исторического примера и опыта, без его поддержки, помощи и защиты и без верности в огромных размерах и все более возрастающей международной роли Советского Союза, как могучего бастиона мира и прогресса человечества. Таков этот нравственный вывод. Таковы условия, облегчающие и ускоряющие процесс демократических и социалистических преобразований в свободных странах.

Проект директив показывает нам творческое марксистское разрешение вопросов советского коммунистического строительства, исходя из конкретной обстановки, возникшей в результате построения социализма и досрочного выполнения четвертой

пятилетки. Мы видим, как в этих условиях осуществляются основные принципы революционного общественного преобразования. Видим и учимся правильно применять их у себя, в соответствии с нашей действительностью, так, как указывают Ленин и Сталин.

Величественные цифры, опубликованные в проекте директив, — не отвлеченные статистические данные, а яркое отражение всей живой советской действительности, конкретных и реальных возможностей. Всякое конкретное плановое задание в проекте директив органически связано с генеральной линией партии, направлено к подлинному производству и природы благо человека, к укреплению и развитию советской Родины, к укреплению великого движения народов за мир, демократию и социализм во всем мире. Принципиальная, последовательная мирная политика СССР и небылая в истории человечества его освободительная, цивилизаторская и творческая роль отразились в этом документе, как утреннее солнце в кристально-чистой капле росы. И никакие вражеские попытки не смогли до сих пор и не смогут никогда загнить этот прекрасный образ.

Прилив новой и новой радости вызывает раздел проекта директив, посвященный дальнейшему повышению материально-бытового и культурного уровня народных масс. Вспомнина свое собственное положение до 9 сентября 1944 г. и зная положение ученых в капиталистических странах, особенно в США, где наука и техника всецело поставлены на службу войны, расовой дискриминации и реакции, наши ученые не могли без глубокого волнения читать указания проекта директив об улучшении работы научно-исследовательских институтов и научной работы в высших учебных заведениях, о более полном использовании научных сил для решения важнейших вопросов развития народного хозяйства и обеспечения передового опыта, об обеспечении широкого практического применения научных открытий, о всемерном содействии ученым в разработке ими теоретических проблем во всех областях знания, об укреплении связи науки с производством. Огромное впечатление производит указание проекта директив о введении еще в течение пятой пятилетки обязательного среднего образования в больших городах и промышленных центрах и подготовке к введению в следующей пятилетке всеобщего обязательного высшего образования во всем Советском Союзе. Вспомнина положение с постановкой образования у нас до 9 сентября 1944 г., зная, как в этом отношении обстоит дело в капиталистических странах, наши ученые с искренним восторгом воспринимают подобные факты, говорящие о неутомимом и всестороннем повышении жизненного и культурного уровня советских людей.

Многое нужно было бы сказать о мобилизуемом, организующем воздействии проекта директив XIX съезда на сознание народных масс у нас и во всем мире.

Новым, самым ярким свидетельством глубокой мировоззренческой политики коммунистической партии Советского Союза, — говорит член Политбюро ЦК Болгарской компартии Антон Югов, — является опубликование проекта директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы, который предусматривает новый грандиозный подъем народного хозяйства в Советском Союзе.

Вместе с трудящимися всего мира болгарский народ — рабочие, крестьяне, люди науки и искусства восторженно приветствуют съезд XIX съезда ВКП(б), который утверждает величественную программу строительства коммунизма в Советском Союзе.

СОФИЯ

Делегату XIX съезда ВКП(б)

Виктор ВОРОШИЛЬСКИЙ,
польский поэт

Счастье законом стало твоей и моей страны. Строек варшавских кварталов с трибуны съезда видны. Видно с этой трибуны, как в ясный рассветный час сходит солнце Коммуны и у нас.

Товарищ мой, делегат, время какое настало: стройки Варшавы глядят в окна Кремлевского зала! ВАРШАВА

Авторизованный перевод Э. Иодновского

Авангард человечества

КУБА, немецкий писатель

5 октября, день открытия XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, — этот день положит начало новым побед человечества.

На путях к коммунизму авангард человечества — советский народ — строит свой ряды для победоносного штурма. Преодолевая враждебные силы природы, он расширяет доступ к сокровищам земли, в россыпях человеческой культуры, которые станут доступными всем.

Первые белоснежные суда будущего, выйдя из Ростова-на-Дону, прощали прямым вымысл в Москву...

По среднеазиатской пустыне шагают стальные экскаваторы, прокладывая русла для нетерпящих вод нового канала...

А в одном из производственных сельскохозяйственных кооперативов демократической Германии старый агроном удивленно рассматривает колос невиданной пшеницы. И улыбаясь крестяне подсаживают ему: мичуринская!

Чудесная животворная река народного строительства несет свои воды в будущее: она протекает вне границ империалистического мира. Авангард человечества, укрощая стихийные силы природы, сам становится величайшей силой, мыслящей, планирующей, смеющейся!

Величественный план пятой пятилетки Советского Союза стал уже достоянием народов всего мира. Богатейшая в мире страна увеличивает свою промышленную продукцию на 70 процентов, поднимет урожайность своих полей на 50 процентов. Вот сколько будет «политического хлеба», вот сколько чудесных, нежалеющей стали ложь будет подана к столу, на котором стоит вкусный суп, вот сколько будет тракторов и молотилок, и шагающих экскаваторов, а если понадобится — и танков.

Еще ярче будет светить солнце Москвы, и дружба ее, простые люди всего мира, будут наслаждаться этим теплом, а враги обратятся в пепел в огне его лучей.

С мудрым спокойствием советские республики выполняют свои мирные планы. А в странах империализма борцы за мир, за жизнь мужественно и уверенно вступают в окончательную победу, прерывая путь заговорщикам войны. Жизнь побеждает смерть, ибо смерть в 1917 году была побеждена в России и окончательно погребена животворным трудом четырех советских пятилеток.

XIX съезд Коммунистической партии обсудит и утвердит план пятнадцатилетней партии. Партия, добровольный боевой союз единомышленников коммунистов — рабочих, крестьян и интеллигентов, примет измененный свой Устав. Оружие партии будет еще лучше отточено.

Коммунистические партии всех стран мира, как и наша Социалистическая единая партия, — стойкие партии. Их принципиальная стойкость отражает дело трудящихся от прожорливых врагов, открытий и замаскированных. Самая стойкая коммунистическая партия в мире — это партия большевиков.

XIX съезд примет Устав, предъявляющий еще большие требования, чем ранее, к членам Коммунистической партии. Большевики берут на себя еще больше обязательств, и еще более великой честью будет состоять членом такой партии.

Наша обязанность — изучить измененный Устав партии и проверить собственную мораль по морали советских людей, ибо новый Устав — точный показатель моральной силы советского народа.

XIX съезд партии знаменует начало эпохи коммунизма — той эпохи, когда все человечество добьется освобождения. И это произойдет именно благодаря тому, что ВКП(б) воспитала нового человека.

Жизель коммунистической эпохи наделены высокими человеческими достоинствами. И такой человек уже существует, его образ запечатан в Уставе Коммунистической партии Советского Союза, который провозгласит существование нового человечества, воспитанного Сталиным.

Большой путь прошел советский народ во главе со своим мудрым вождем. Пример советских людей возбудил мужество в простых людях всего мира. И их уверенность в окончательной победе — это заслуга Советского Союза, заслуга Сталина!

Когда немецкий народ, заведенный в тулик национальной катастрофы гитлеровской элиты, начал искать пути из мира прозябания и вырождения, в него вдухнул бодрость и открыл перед ним перспективу новой жизни Сталин и советский народ. И сегодня мы, немцы, вместе с миллионами трудящихся других стран приветствуем Сталина и его партию, вместе со всем человечеством благодарим их.

БЕРЛИН, 3 октября. (По телеграфу)

Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики! И нет на свете такой силы, которая могла бы сломить несокрушимую твердыню мира — Советский Союз!

Мир! Мир — драгоценнейшее достояние человечества, за сохранение которого борются во главе с Советским Союзом сотни миллионов простых людей. Как усилить фронт мира новой советской пятилеткой! Позднее от ярости, остекляевшими глазами глядят американские монополисты на начертанную твердой рукой советские планы, свидетельствующие о несокрушимом могуществе Советского Союза. А англо-американские колонизаторы, до слуха которых доходит явственный треск разрывающейся брони в ветхом здании британского империализма! А прислужники Уола-стрита и Сити во Франции и Италии!.. Но глаза тех, кто читает «Дейли уоркер», «Юманите» и «Унита», светятся счастьем, гордостью и упорством. И подобно электрическому току это радостное волнение передается по всему свету от мысли к мысли, от сердца к сердцу. Оно проникло в тюремную камеру Анри Мартина, озарило счастьем прекрасные глаза Поля Робсона, разлилось в новых стаях Пабло Неруды, оно прозвучит в словах Джорж Амаду, когда он будет говорить о новой пятилетке бразильских рабочих... У миллионов честных и трудолюбивых людей во всем мире крепнет воля к борьбе против врагов человечества, когда они видят, что дело мира возглавляет его самый верный, самый надежный, самый великий заступник — Советский Союз.

Пусть этот славный пример воодушевит нас всех в нашей работе!

ПРАГА

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Генеральный труд товарища И. В. Сталина «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Краткий курс, являющийся сокращенной революционной теорией и революционным опытом, получил широчайшее распространение во всем мире, стал настольной книгой миллионов и миллионов борцов за мир и социализм.

НА ФОТОСНИМКЕ — во время месячника коммунистической печати в Италии рабочие города Чесена несут сделанное из живых цветов изображение обложки «Краткого курса истории ВКП(б)», изданного на итальянском языке. Снимок из итальянского журнала «Виз нуова»

По страницам зарубежной печати

ИНДИЯ

«Простые люди всего мира приветствуют съезд XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, как выдающееся событие в его борьбе за новое общество.

Дальнейшее укрепление экономической, политической и оборонной мощи страны, идущей к коммунизму, дальнейшее укрепление партии, которая направляет это движение, являются решающей гарантией того, что мир будет сохранен. Вот почему сторонники мира во всем мире приветствуют XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, как выдающееся событие в борьбе за мир.

Народы колониальных и полуколониальных стран приветствуют съезд партии с особым энтузиазмом, так как Коммунистическая партия Советского Союза неутомимо выступает в поддержку их свободы и независимости. Партия рабочего класса, основанная Лениным и Сталиным, учит рабочих всего мира, что борьба за социализм в странах капитала неразрывно связана с борьбой за свободу колониальных и полуколониальных стран».

(Из передовой статьи газеты «Кроссрууд») **НОРВЕГИЯ**

«Съезд XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза и сообщение о новом пятилетнем плане вызвали огромный интерес в нашей стране.

Успехи, достигнутые социалистическим Советским Союзом в деле восстановления пострадавших во время войны районов, необычайно быстрое расширение производства во всех отраслях экономики, строительство гигантских каналов и гидростроительных сооружений, расширение транспортной сети, повышение урожайности, поднятие культурного уровня населения, постепенное снижение цен, увеличение заработной платы — все это само по себе является ярким доказательством полного превосходства социалистической экономики над капиталистической системой. А темпы развития великого Советского Союза неуклонно растут.

Так называемый «западный мир» все более и более унифицируется под знаком черной реакции, военной истерии и лживой пропаганды американских долларовых владык.

Советский Союз под руководством своей Коммунистической партии осуществляет гигантское строительство в интересах мира».

(Из передовой статьи газеты «Фрихетен») **УРУГВАЙ**

«Друзья и враги знают, что, когда собирается Коммунистическая партия Советского Союза, она выдвигает планы, которые обещают осуществление. Быстрые реализации этих планов, смелость постановки и разрешения задач совершенно не похожи на то, что может быть достигнуто и осуществлено на практике при самом развитом капиталистическом режиме.

Советский Союз, проводя политику мира и прогресса, становится все более могучим, в то же время капиталистический мир заставляет народы страдать от нищеты, увеличивающейся с каждым днем; этот мир идет навстречу катастрофе.

XIX съезд Коммунистической партии СССР и новый пятнадцатилетний план — это событие, которое не может не потрясти империализм до основания; это событие, которое вселяет мужество в народы, открывает им чудесные перспективы, укрепляет их веру в свои возможности и свое будущее, которое империализм пытается у них отнять».

(Из редакционной статьи газеты «Вердад») **ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА**